На правах рукописи

Данилина Ольга Вячеславовна

ПОЭТИКА МЕЖТЕКСТОВОГО ДИАЛОГА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.К. СОЛОГУБА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «МЕЛКИЙ БЕС»)

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре истории журналистики и литературы факультета журналистики образовательного частного учреждения высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **Кихней Любовь Геннадьевна,** заведующий кафедрой истории журналистики и литературы факультета журналистики ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова»

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, доцент **Осипова Ольга Ивановна,** доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института (школы) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток);

кандидат филологических наук **Ламзина Анна Владиславовна,** доцент департамента иностранных языков федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)».

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное учреждение науки **«Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук»** ***(сектор литературоведения ИФ СО РАН)*** (г. Новосибирск).

Защита состоится «25» сентября 2026 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета 75.2.076.01 при ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова» по адресу: 111396, Москва, Зеленый проспект, д. 66А, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова» по адресу: 111396, Москва, Зеленый проспект, д. 66А и на сайте https://www.iile.ru/nauka/dissertatsionnyy-sovet Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах: https://www.iile.ru/nauka/dissertatsionnyy-sovet и https://vak.minobrnauki.gov.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2026 года.

Учёный секретарь диссертационного совета 75.2.076.01
кандидат филологических наук, доцент С.С. Царегородцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Настоящее исследование исходит из того, что роман Ф. К. Сологуба «Мелкий бес» следует рассматривать не как сумму разрозненных аллюзий, а как многоуровневую систему межтекстового диалога, в которой взаимодействуют автоинтертекст, русская классическая традиция, западноевропейские претексты, символистская демонология, интермедиальные коды и скрытые формы «чужого слова». Такой ракурс позволяет перевести анализ романа из плоскости отдельных источников влияния в плоскость поэтики и смыслопорождения.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами: устойчивым интересом современной филологии к интертекстуальности как одной из ключевых категорий поэтики; особым местом «Мелкого беса» в истории русского модернизма; сохраняющейся в сологубоведении лакуной между частными наблюдениями и целостной моделью межтекстового диалога романа; наконец, расширением методологических возможностей филологии, включая корпусные и цифровые процедуры верификации интертекстуальных гипотез.

Историю изучения проблемы целесообразно представить предельно сжато, выделив лишь наиболее значимые этапы. Первый этап изучения романа связан с его ранней рецепцией в кругу современников Ф.К. Сологуба. Наиболее репрезентативные материалы, среди которых значимыми являются статьи К. Чуковского «Навьи чары мелкого беса» (с. 35–58), З.Н. Гиппиус «Слезинка Передонова» (с. 72–79), А.Г. Горнфельда «Недотыкомка» (с. 251–261), А.А. Измайлова «Измельчавший русский Мефистофель и передоновщина» (с. 286–296), П. С. Владимировой «Ф. Сологуб и его роман “Мелкий бес”» (с. 306–319), собраны А. Н. Чеботаревской в книге «О Федоре Сологубе. Критика, статьи и заметки»[1].

Второй этап составляют советские и позднесоветские работы, в которых роман осмыслялся преимущественно историко-литературно и типологически; здесь показательно обращение к «Мелкому бесу» А. Белого[2] (в контексте генеалогии «маленького человека»), а также статьи Д. Герабана[3] и В. Ерофеева[4].

---

[1] Чеботаревская А.Н. О Федоре Сологубе. Критика, статьи и заметки. СПб: Шиповник, 1911. 356 с.

[2] Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1934. 324 с.

[3] Герабан Д. К поэтике повествовательной и драматической модели мира в романе и пьесе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Studia Russica II. Budapest, 1979. P. 171-186.

[4] Ерофеев В. На грани разрыва. «Мелкий бес» Ф. Сологуба и русский реализм // Ерофеев В.В. В лабиринте проклятых вопросов. М.: Советский писатель, 1990. С. 79-100.

Третий этап связан с интенсивным развитием постсоветского сологубоведения. Максимально репрезентативным источником по интертекстуальной основе «Мелкого беса» следует признать комментарии и примечания М.М. Павловой к изданию романа 2004 года, реконструировавшие творческую историю «Мелкого беса» и тем самым задавшие генетическую перспективу анализа[5]. Определяющее значение имеют исследования Т. Венцловы о демонологии русского символизма[6]; Н.В. Мокиной и Б.И. Мокина о функциях «чужого слова» и ницшеанско-дионисийском коде[7]; Н.З. Кольцовой и И.В. Монисовой об интертекстуальности и интермедиальной доминанте романа[8]; статьи В.В. Королевой о гофмановском стиле[9]; О.Н. Веселовой о мотивах Ф.М. Достоевского в тексте «Тяжелых снов» и «Мелкого беса»[10]; Л. Г. Кихней и Г.А. Кричевского о пушкинских аллюзиях в «Мелком бесе»[11] и другие статьи и исследования, посвященные творчеству Ф.К. Сологуба.

К вопросам межтекстового диалога, реминисценций и аллюзий в романе «Мелкий бес» обращались также такие ученые, как Д.В. Боснак, Н.А. Горских, В.Б. Зусева, А.Н. Долгенко, М.А. Дубова, Т.И. Ерохина, М.А. Жарков, О.В. Иванова, Н.А. Ларина, М.П. Лепехин, К.В. Луценко, Д. Меррилл, О.И. Осипова, М. Пироговская, Н.Г. Пустыгина и другие.

При этом, несмотря на значительное число частных исследований, комплексная модель межтекстового диалога «Мелкого беса» как целостной смыслообразующей системы до настоящего времени не была разработана в достаточной степени.

Объект исследования – художественный мир романа Ф.К. Сологуба «Мелкий бес» в аспекте его межтекстовой организации.

---

[5] Павлова М.М. Писатель-инспектор: Фёдор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: НЛО, 2007. 512 с. Павлова М.М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Ф. Мелкий бес / Сост., статья, комментарий М.М. Павловой. СПб.: Наука, 2004. С. 643-883.

[6] Венцлова Т. К демонологии русского символизма // Венцлова Т. Собеседники на пиру. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 32-50.

[7] Мокин Б.И., Мокина Н.В. «Дионисический дух» в интерпретации Ф. Ницше и Ф. Сологуба. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 393-398.

[8] Кольцова Н.З., Монисова И.В. О специфике интертекстуальности в литературе и кино (на материале экранизации романа Ф. Сологуба «Мелкий бес»). // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 179-184.

[9] Королева В. В. Черты гофмановского стиля в романе Ф. К. Сологуба «Мелкий бес» // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 5. С. 100-105.

[10] Веселова О.Н. Традиции Ф.М. Достоевского в символистских романах Ф.К. Сологуба «Тяжелые сны» и «Мелкий бес». Дисс. … к.ф.н. Орел, 2011. 249 с.

[11] Кихней Л.Г., Кричевский Г.А. «Пиковая дама» и «Мелкий бес»: пушкинские аллюзии и их функции в романе Ф. Сологуба. Научный диалог. 2024. № 13(10). С. 252-272.

Предмет исследования – поэтика межтекстового диалога в романе «Мелкий бес».

Цель исследования – выявить и описать продуктивные механизмы межтекстового диалога в «Мелком бесе» как целостной смыслообразующей системы, показать их роль в построении символистской картины мира романа и уточнить место произведения в русской и европейской литературных традициях рубежа XIX–XX веков.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1) уточнить теоретический объем понятий «межтекстовый диалог», «интертекст», «автоинтертекст», «интермедиальность» и «мезотекст» применительно к прозе Серебряного века;

2) реконструировать историю изучения «Мелкого беса» в русской и зарубежной науке и определить нерешенные вопросы;

3) установить корпус автоинтертекстуальных связей романа с поэзией, публицистикой, рассказами и романной прозой Сологуба;

4) выявить эксплицитные и имплицитные связи текста с отечественной классической литературой, скрытые интертекстуальные связи;

5) определить модель диалога романа с западноевропейской литературой и культурой;

6) описать функции интермедиальных кодов в романе и их связь с символистской мифопоэтикой;

7) проверить часть интертекстуальных гипотез с помощью корпусных и цифровых процедур поиска повторов, лексических аттракторов и параллельных контекстов;

8) показать, как межтекстовый диалог организует образ Передонова, мотив недотыкомки, фабулу безумия и общую аксиологию романа.

Гипотеза исследования заключается в том, что межтекстовый диалог в романе Сологуба носит не факультативный, а структурообразующий характер: он определяет сюжетно-мотивную организацию текста, систему образов и специфику символистской картины мира.

Методологическая основа исследования представлена сочетанием системно-типологического, сравнительно-исторического, культурно-исторического, интертекстуального, структурно-семиотического, нарратологического и герменевтического методов. Такой комплекс обусловлен самой природой материала: роман требует одновременного близкого чтения, реконструкции литературного контекста, типологического сопоставления и анализа повторяемых смысловых узлов.

Теоретический контекст работы образуют труды М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Женетта, Ю.М. Лотмана, И.П. Смирнова, В.П. Москвина, И.В. Силантьева, С.Д. Титаренко, Е.Ю. Куликовой и др.

Источниковую базу составляют текст «Мелкого беса» в основных изданиях, поэтические, прозаические и публицистические тексты Ф.К. Сологуба, русские и зарубежные литературные претексты, критические отклики современников, а также словари, корпусные и справочные ресурсы.

Научная новизна исследования определяется тем, что роман «Мелкий бес» рассматривается как единая многоуровневая система межтекстового диалога, а не как набор частных заимствований; уточняется роль автоинтертекста как структурообразующего принципа; последовательно вводится связь интертекста с интермедиальностью и символистской демонологией; предлагается более строгая типология межтекстовых связей — от эксплицитной цитаты до скрытого мезотекстового слоя; намечается модель соединения классического филологического анализа с корпусной верификацией интертекстуальных гипотез.

Впервые «Мелкий бес» представлен не только как узел известных реминисценций, но и как текст, в котором выявляются дополнительные, зашифрованные и скрытые автором связи, функционирующие через ономастический код и устойчивые мотивные комплексы.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении понятийного аппарата описания межтекстовых процессов применительно к русской прозе Серебряного века. Работа демонстрирует продуктивность разграничения автоинтертекста, интермедиальности, криптотекстовых форм и мезотекстуальных включений, а также показывает, что анализ символистского романа требует одновременного учета историко-литературной конкретности, мотивно-образной динамики и читательской стратегии распознавания культурных кодов. Тем самым диссертация вносит вклад не только в сологубоведение, но и в исследования интертекстуальности, поэтики модернизма и литературы рубежа веков.

Научно-практическое значение исследования определяется возможностью использовать его результаты в университетских курсах по истории русской литературы конца XIX — начала XX века, в спецкурсах по поэтике, сравнительному литературоведению, интертекстуальному анализу и интермедиальности, а также в дальнейшем комментировании текста романа «Мелкий бес». Предложенный подход может быть перенесен и на анализ других произведений русского модернизма, где существенную роль играют скрытые формы «чужого слова», сложная архитектоника мотивов и многослойная система культурных отсылок.

Положения, выносимые на защиту.

1. Роман Ф.К. Сологуба «Мелкий бес» организован как полисистемный межтекстовый конструкт, в котором разные типы связей не периферийны, а композиционно и семантически необходимы.

2. Автоинтертекст в романе выполняет герменевтическую функцию ключа, который формирует гипертекстуальные коннотации романного мира Ф.К. Сологуба и показывает генезис рождения его магистральных мотивов и образов через эпиграф, поэтические самоотсылки, переклички с прозой Сологуба и его публицистикой.

3. Отечественные претексты в романе образуют не простой «фон влияний», а систему смысловых фильтров, через которые кристаллизуются основные миромоделирующие координаты романа. Роман «Мелкий бес» становится точкой бифуркации сквозных мотивов корпуса русской прозы — кластеров маленького человека, женитьбы, карточной игры и гадания, погружения в безумие, маскарада как карнавального пространства.

4. Зарубежные интертексты вводят роман в западноевропейское культурное пространство: интермедиальные коды романа связаны с символистским стремлением превратить текст в узел культурных отсылок, которые не только отражают литературную традицию, но и генерируют обращение к архетипам, апробированным в художественном мире «Мелкого беса».

5. Скрытые, криптотекстовые формы отсылки в «Мелком бесе» не сводимы к случайной эрудиции автора, а обладают системной интертекстуальной функцией, выполняя роль фактора фокусирования основных нарративов романа.

Достоверность результатов обеспечивается комплексной методологией, широкой эмпирической базой, последовательным сопоставлением текстов, а также апробацией основных положений и выводов исследования.

Апробация исследования. Основные результаты работы апробированы в докладах на пяти международных и межвузовских конференциях в 2023–2026 гг., включая XVI, XIX, XX и XXI Международные научно-практические конференции «Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере» и межвузовскую научную конференцию молодых ученых «Грибоедовские чтения — 2024». Результаты исследования опубликованы в шести изданиях, из которых три входят в перечень ВАК РФ.

Структура диссертации. Работа логически вытекает из поставленных задач и включает введение, три главы, заключение, список литературы и приложения. Первая глава посвящена теоретическому осмыслению «своего» и «чужого» слова и специфике межтекстового диалога в Серебряном веке. Во второй главе анализируется автоинтертекст романа — его связи с поэзией, публицистикой, рассказами и романной прозой Сологуба. Третья глава рассматривает диалог «Мелкого беса» с отечественной и зарубежной

литературной традицией. Такая композиция позволяет двигаться от теории к частным механизмам и далее — к широкому культурному контексту, в котором роман раскрывается как один из ключевых текстов русского модернизма.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **1 главе «Феномен интертекстуальности и специфика межтекстового взаимодействия в литературе Серебряного века»** задается понятийная сетка исследования.

В параграфе 1.1. — ***«Феномен “чужого слова” в художественном тексте: основные теоретические подходы»*** — последовательно реконструируется эволюция представлений о межтекстовом взаимодействии: от мимесиса, подражания, стилизации и пародии к интертекстуальности в узком и широком смысле, криптотексту, мезотексту и иным формам скрытого присутствия «чужого слова». Здесь важен принципиальный вывод: для анализа символистской прозы недостаточно фиксировать только цитаты и аллюзии; необходимо учитывать различные формы смыслового наследования и переработки чужого текста, вплоть до мотивных и вещных комплексов.

Любой литературный текст рождается не «с нуля»: его автор погружен в культуру и семиосферу как родного языка, так и внешней, чужеродной для него культуры в меру своего знакомства с ней и подвержен влиянию прочитанных им текстов, а также других культурных феноменов – музыкальных произведений, живописи, скульптуры и т.п. В истории литературоведения неоднократно исследовался вопрос об «универсалиях текста», элементарных неделимых частицах-мотивах, которые один автор может заимствовать у другого.

В рамках настоящего исследования подражание понимаем как имманентную практику порождения текстов, бытовавшую в том или ином виде вплоть до начала XX столетия и предполагавшую либо прямой «ремейк» исходного текста с сохранением ключевых мотивов и элементов сюжета, либо вариант смешанной техники, когда у одного произведения можно выделить целый ряд прототипов-претекстов. Оговорим, что к числу таких претекстов не следует относить единичные отграниченные автором цитаты (случай, когда рассказчик или персонаж цитирует какого-либо автора точно либо со значимыми искажениями), а также варианты использования цитаты в раме текста (эпиграфы), речь идет именно о глубинном заимствовании и переосмыслении в рамках произведения мотива или комплекса мотивов.

Под стилизацией понимаем в данном случае стратегию целенаправленного и узнаваемого повторения стратегии создания текстов,

комплекса приемов и мотивов, характерных для определенного автора либо определенной литературной школы. При этом стилизация, в отличие от пародии, не подразумевает высмеивание или осуждение оригинального произведения, а также гротескную переделку его узнаваемых особенностей.

К концепту диалога с первоисточником примыкает также перевод, осуществляемый в условиях знакомства целевой аудитории с текстом первоисточника. Аудитория XIX столетия – публика, читающая «толстые журналы» и следящая за развитием литературного процесса, – в целом была знакома со многими произведениями на английском, немецком, итальянском, испанском, французском языках, а также зачастую владела древнегреческим и латынью, и перевод в таких условиях превращался в динамический диалог с текстом, вариации на тему, которые в творчестве одного автора могли меняться, представляя различные версии первоисточника.

После формулирования понятия интертекстуальности / цитации и введения его в научный терминологический аппарат стали развиваться различные исследования интертекстов и всевозможных видов интертекстуальности.

Исследование интертекста и интертекстуальности в литературоведении и литературной критике, таким образом, как мы видим, формируется в тесной связи с параллельными лингвистическими теориями постструктурализма. Зарождение теории дискурсивной лингвистики, предполагающей понимание любого высказывания как имманентно диалогического и погруженного в контекст взаимодействия собеседников, спровоцировало формирование дискурсивного подхода в литературоведении, когда всякий текст понимался как диалогическое единство с предшествующими текстами. Параллельно в лингвистике формируется интерес к процессу порождения речи как к чисто синтаксическому процессу (Н. Хомский), так и к психолингвистическому процессу (советская школа психолингвистики), и в обоих случаях порождение высказывания понимается как деятельность в русле бихевиористского подхода, подразумевающего выделение в любом высказывании целеполагания, образа результата, затем непосредственно порождения высказывания и корректировки полученного результата в случае несовпадения его с задуманным. Понимаемая таким образом деятельность подразумевает порождение высказывания «с нуля», без претекстов.

В литературоведении возникает альтернативная теория, понимающая всякое порождение высказывания как сбор некоей мозаики, переплетение цитат и разнообразных смыслов, которые отсылают к разным ранее созданным текстам. Интертекстуальность при этом может быть понята как интенция автора зашифровать в тексте как можно большее количество претекстов, но в то же время и интенция читателя их найти.

Последний вопрос – насколько выявляемые исследователем и читателем отсылки к другим текстам являются сознательной интенцией автора – в целом является дискуссионным в рамках теории изучения интертекста. В данном случае имеет смысл ввести градуированную шкалу вариантов включения «чужого слова» – от максимально сознательного до максимально неосознаваемого и объяснимого общим культурным фоном и начитанностью автора (автор имеет определенный культурный багаж, читает русских и зарубежных писателей, и ряд включений мотивов и элементов художественного мира может объясняться его воспоминанием, в том числе неосознанным, либо гомологичностью мотивов).

В параграфе 1.2. — ***«Особенности межтекстового диалога в Серебряном веке»*** — показано, что рубеж XIX–XX веков создает особую среду интенсивного культурного самоосмысления, где и символизм, и акмеизм, несмотря на программные расхождения, сходятся в признании творческой продуктивности мировой культуры. Интертекст, полемика, перевод, стилизационное письмо, интермедиальные переходы и «дуэли текстов» становятся здесь нормой литературного поведения. В итоге первая глава обосновывает главный методологический тезис диссертации: «Мелкий бес» должен читаться как полисистемный художественный текст, в котором межтекстовый диалог выступает не украшением, а внутренним законом организации смысла.

Оговорим, что применительно к периоду Серебряного века не будет корректным термин «интертекст» в его бартовском прочтении, когда жонглирование цитатами и отсылками становится едва ли не единственным способом порождения текста. Период «Серебряного века» оказывается на стыке «старого» и «нового»: вариантов литературного влияния, характерных еще для XIX столетия, и игры с чужими текстами, которые начали распространяться уже в начале XX века.

Интертекстуальность Серебряного века питалась тремя основными источниками. Это, во-первых, принципы творчества в рядах символистов и акмеистов, которые с несколько различными коммуникативными интенциями призывали обращаться к мировой культуре, творчески перерабатывать и переосмыслять ее знаковые тексты, вести конструктивный диалог с предшественниками, одновременно порождая самобытные тексты. Во-вторых – творческие кружки, объединения и взаимодействия поэтов и прозаиков, которых в период Серебряного века было создано несколько сотен. Каждое такое объединение было площадкой для дискуссий и полемик, выработки новых принципов искусства и рождавшихся в диалоге поэтических экспериментов. Как итог – рождались «тексты-ответы», «текстовые дуэли», изобилующие отсылками как к предыдущим «репликам» в этом диалоге, так и

к претекстам-прообразам, например, к мифологии или другим произведениям. К экспериментам такого рода представители Серебряного века относились серьезно (в отличие, к примеру, от «альбомных стихов» XIX века, которые самими их авторами редко рассматривались как подлинное литературное произведение), полемические произведения публиковались и становились достоянием широкой общественности – наряду с историей их создания.

Наконец, третьим важнейшим фактором работы с «чужим словом» стал перевод – эпоха Серебряного века стала чрезвычайно плодотворным периодом работы с текстами зарубежных классиков и современников, а многие авторы на долгие годы нашли в переводе как творческую отдушину, так и средство обеспечить себе существование. Обращения к текстам переводов всегда подразумевают погружение в иноязычную традицию и использование стратегий межтекстового диалога.

По совокупности перечисленных выше факторов Серебряный век становится максимально продуктивным временем зарождения в отечественной литературе стратегий интертекстуальности и интермедиальности, впоследствии прошедших апробацию в новых культурных и социальных реалиях.

Во **2 главе «Автоинтертекстуальное пространство романа “Мелкий бес” как механизм смыслообразования»** исследуются внутренние связи романа с другими текстами самого Сологуба.

В параграфе 2.1. — ***«Поэтический автоинтертекст романа: лирические истоки символистской картины мира»*** — анализируются эпиграф, образ недотыкомки, мотив босых ног и другие мотивно-образные переклички романа с лирикой писателя. Показывается, что поэтические самоотсылки у Сологуба функционируют как герменевтический ключ: они не только связывают роман с предшествующей поэтической системой автора, но и задают интерпретацию бесовского, колдовского, ускользающего и неустранимого начала в художественном мире «Мелкого беса».

В параграфе 2.2. — ***«Публицистический дискурс в структуре романа: трансформация авторских идей в художественную систему “Мелкого беса”»*** — рассматривается переход от прямого авторского высказывания к его художественному претворению. Особое внимание уделяется размышлениям Сологуба о зависти, телесных наказаниях в школьной среде, дисциплинарных практиках и полемическому контексту эпохи. Сделан важный вывод: публицистический слой не дублируется в романе буквально, а преобразуется в сюжет, систему характеров, бытовые сцены и мотивную структуру.

В параграфе 2.3. — ***«Прозаический автоинтертекст: мотивно-образные переклички романа с малой и крупной прозой Ф. К. Сологуба»*** — «Мелкий бес» сопоставляется с романом «Тяжелые сны» и рассказами

Сологуба. Это сопоставление позволяет увидеть роман как итог внутренней эволюции писателя: мотивы безумия, оборотничества, жертвенного убийства, враждебной среды, деформации повседневности уже присутствуют в ранней прозе, но именно в «Мелком бесе» достигают художественной концентрации и смысловой завершенности. Итог главы состоит в доказательстве структурообразующей роли автоинтертекста: связь романа с собственной поэзией, публицистикой и прозой Сологуба образует целостную систему внутреннего комментария и самоосмысления.

Подводя итоги выявленного в «Мелком бесе» автоинтертекста, следует отметить, что Ф. Сологуб внедряет в текст «Мелкого беса» многочисленные отсылки к своему собственному жизненному опыту и к своим написанным ранее и опубликованным ранее текстам – таким, как стихотворения, публицистика, роман «Тяжелые сны» и рассказы. Частое обращение к тематике гимназии, учеников, учителей и пр. связано с биографией самого Сологуба, много лет проработавшего учителем, затем инспектором. Ряд сквозных мотивов, проявляющихся в прозе Ф. Сологуба, получает развитие в его рассказах до того, как автор развивает их в «Мелком бесе»: это мотив оборотничества, превращения человека в животное и обратно, мотив жертвенного убийства, заклания и мотив постепенно развивающегося в сознании человека безумия, которое он не в состоянии контролировать.

В контексте тенденций полемик и дискуссий Серебряного века «Мелкий бес» выступал не только как художественное произведение, но и как полемическая реплика, и не только в литературных дискуссиях. К литературному процессу и размышлениям Сологуба по этому поводу отсылают исключенные из итоговой редакции романа и опубликованные позднее отдельно образы литераторов Шарика и Тургенева, которые отсылали к образам Скитальца и Горького и были интерпретированы как пасквиль и памфлет (что породило ответное высмеивание Сологуба Горьким в образе литератора-декадента Смертяшкина). Помимо этого, Сологуба, как учителя с большим стажем работы, чрезвычайно волновал вопрос телесных наказаний в школе и практика их продолжения дома. Телесные наказания являлись одним из краеугольных камней разработанной Вильгельмом фон Гумбольдтом концепции «прусской гимназии», которая была усвоена Российской империей и широко в ней применялась. Идея «прусской гимназии» предполагала большое количество домашних заданий и заданий в классе, систему понятных оценок (чтобы родители и другие родственники хорошо понимали, успешно ли учится ребенок) и телесные наказания как стимул не избегать учебы. Учителя часто злоупотребляли последним инструментом и назначали телесное наказание по самым незначащим поводам, что чрезвычайно волновало Сологуба, в том числе и в силу личного опыта – в его семье сечение

розгами практиковалось часто. Наряду с публицистическими высказываниями по этому вопросу, Сологуб заостряет внимание на нем и в художественном произведении.

Отсылки к ранним стихотворениям Сологуба, предшествующим «Мелкому бесу», в изобилии присутствуют в тексте – помимо сквозного для романа мотива босых ног, это также использование образа Недотыкомки и использование в рамочном тексте романа (начиная со второй редакции и во всех последующих) строчек из собственного стихотворения.

Также роман «Мелкий бес» во многом схож с первым романом Сологуба «Тяжелые сны», герой которого – также учитель в провинции, погруженный, фактически, в ту же самую социальную среду, что и Передонов. Герой «Тяжелых снов» Логин подвержен масштабному общественному осуждению (в случае с Передоновым оно, скорее, вымышленное, но герой «Мелкого беса» в каждом человеке видит потенциального недоброжелателя и злопыхателя) и также совершает убийство, как и Передонов, однако избегает обвинения и начинает новую жизнь. Из авторского предисловия к седьмой редакции «Мелкого беса» становится известно, что и Передонову удалось начать новую жизнь и добиться большого успеха. Логин как герой изображен автором более симпатичным и положительным, чем Передонов – в первом романе Сологуб акцентирует внимание на провинциальной среде и работе в гимназии, во втором, сохраняя канву изображения общества, погружает в эту среду исключительно неприятного героя.

Наконец, продуктивным источником межтекстовых связей «Мелкого беса» становятся рассказы Сологуба, в которых он рассматривает некоторые ключевые для будущего романа мотивы. Так, в целом ряде произведений Сологуб проводит художественное исследование нарастающего безумия – случайно оброненная реплика или попавшаяся в руки книга становится триггером затяжного сумасшествия, постепенного погружения в неадекватное состояние – фактически, то же самое происходит и с Передоновым. Также важным для «Мелкого беса» является мотив оборачивания в животное – в усиливающемся безумии Передонов видит то очеловечивание кота, то превращение своего друга в барана. Герои рассказов Передонова также превращаются в барана (в рамках детской игры), в собаку (в результате колдовства, которого так сильно опасается Передонов). Таким образом, малая проза становится своеобразной «разминкой» автора перед обращением к формату романа.

В **3 главе «Межлитературный диалог романа “Мелкий бес” в контексте русской и европейской культурной традиции»** роман вводится в широкий круг отечественных и зарубежных претекстов.

В параграфе 3.1. — ***«Русская классическая традиция в художественном мире романа: механизмы переосмысления претекстов»*** — показано, что русские претексты образуют не аморфный культурный фон, а систему интерпретационных координат.

В отношении отечественной литературы роман «Мелкий бес» считается последним произведением классической русской литературы, и в тексте в явном или скрытом виде задействовано огромное количество смежных мотивов, цитат и отсылок.

Помимо разработанных отечественными литературоведами очевидных отсылок к А.С. Пушкину («Пиковая дама», «Евгений Онегин»), Ф.М. Достоевскому («Бесы», «Братья Карамазовы») и А.П. Чехову («Человек в футляре»), в настоящем исследовании впервые выявляются неучтенные отсылки к вышеназванным классическим произведениям, а также новые претексты, в частности, связанные с нарративами женитьбы, маскарада, помешательства, мотивно-образным комплексом «маленького человека» и пр. Применительно к отечественной литературе можно говорить также о градуированности отсылок к «чужому слову». В тексте присутствуют эксплицитные упоминания произведений – например, «Евгения Онегина» и «Человека в футляре». Представлены также точечные аллюзии и отсылки – например, к рассказам М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Интереснейшим случаем является «закрытие гештальта» сквозных мотивов отечественной литературы «Мелким бесом». Важнейшее место в этой парадигме занимает мотив выгодной женитьбы, артикулируемый в русской литературе со времен «Бедной Лизы» и «Горя от ума». Высшей точкой выражения этого мотива становятся «Женитьба» Гоголя, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина и трилогия Островского о Бальзаминове. Ни в одном из этих произведений герой не женится: свадьба либо расстраивается в последний момент, либо остается в затекстовом пространстве, а на сцене представлена только подготовка к ней. Передонов – первый герой отечественной литературы, который после долгих колебаний, то согласия, то отказа в итоге все же женится из соображений развития своей карьеры и открывает для себя страницу «жизни после брака» (которая представляет собой не абсолютно новый мир, но ту же самую жизнь, какой она и была до брака).

Мотив выгодной женитьбы смыкается с другим сквозным мотивом – «маленьким человеком», пытающимся поправить свое социальное и материальное положение при помощи не только женитьбы, но и, к примеру, игры в карты, что связывает «Мелкого беса» и с «Пиковой дамой» А.С. Пушкина, и со «Свадьбой Кречинского» Сухово-Кобылина, и с целым корпусом произведений, в том числе произведениями-мемуарами, где

описывается важность игры в карты для русского общества XIX – начала XX столетий. Карты преследуют Передонова и становятся одной из составляющих его нарастающего безумия.

Еще одним сквозным мотивом, наряду с мотивами выгодной женитьбы[12] и карточной игры, становится мотив маскарада – кульминации «Мелкого беса», когда наиболее ярко проявляет себя безумие Передонова и он пытается при помощи огня уничтожить преследующую его Недотыкомку. Мотив маскарада как искажающего действительность пространства представлен в одноименной драме М.Ю. Лермонтова, в соответствии с сюжетом которой герои утрачивают свою идентичность и главный герой, Арбенин, оказывается во власти безумия и убивает из ревности свою супругу.

Наконец, мотив нарастающего безумия, проявляющегося в галлюцинировании, параноидальном бреде, склонности к телесным наказаниям и абсурдным запретам отсылает к образу исторической личности – императора Павла I, чья фигура интересовала писателей на рубеже веков – переломное время начала XX века вызывало в памяти другие эпохи смены исторической и социальной парадигмы. Взаимодействие двух текстов (романа Ф.К. Сологуба «Мелкий бес» и драмы для чтения Д.С. Мережковского «Павел I»), как представляется, объясняется такой же гомологией мотивов, как и в случае с текстами Томаса и Генриха Манна – воспоминание о спорной и неоднозначной фигуре императора, отсылающего к комплексу мотивов «зверя, облеченного властью».

Подводя итоги, следует отметить, что «Мелкий бес» выступает в функции «текста-контрапункта», «текста-сборки» для совокупности мотивов отечественной литературы, при этом Сологуб в соответствии со своей авторской трактовкой символизма и роли символа в нем наполняет текст точечными отсылками, открывающими «окно» в совокупность различных текстов, среди которых в том числе многие значимые произведения зарубежной литературы. Автор был глубоко погружен в контекст отечественной и мировой культуры и задумывал роман как поливалентный, многогранный текст, созданный по мозаичному принципу.

В параграфе 3.2. — ***«Западноевропейские культурные коды и их функции в поэтике “Мелкого беса”»*** — анализируются интертексты западноевропейской литературы. Выявлено, что Сологуб встроил в канву романа широкий спектр аллюзий на европейские тексты разных эпох – от

[12] Признавая значимость сквозного мотива карточной игры, отсылающей к произведениям Э.Т.А. Гофмана, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, мы этот мотив подробно не разбираем, в силу его исследованности. См., к примеру, статью: Кихней Л.Г., Кричевский Г.А. «Пиковая дама» и «Мелкий бес»: пушкинские аллюзии и их функции в романе Ф. Сологуба. Научный диалог. 2024. № 13(10). С. 252-272.

«Дафниса и Хлои» Лонга, шекспировских трагедий до готических новелл Э.Т.А. Гофмана и Эдгара По и современных Сологубу западноевропейских произведений — Э. Золя, Т. Манна и Г. Манна.

Взаимодействие с текстами зарубежной литературы следует разделить на несколько стадий взаимодействия с «чужим словом». Так, отсылка к «Гамлету» обозначена автором эксплицитно, взаимодействие с текстами Лонга, Золя и Гофмана выявлено за счет обозначения «узла» мотивов, характерного для соответствующих произведений или комплекса произведений. Относительно Лонга Сологуб нигде не упоминает о Дафнисе и Хлое, однако описание встреч Людмилы Рутиловой и Саши Пыльникова отсылает к этому роману через целый ряд деталей, включающих в том числе и песни, которые исполняет Людмила, и ее сны, в которых возлюбленный предстает в образе выходящего из воды лебедя. Такой же способ взаимодействия с текстами характерен для межтекстового диалога с Золя и Гофманом.

Показывается, что западноевропейский слой романа не сводится к простому перечню влияний; он функционирует как активный механизм семантического уплотнения, вводящий роман в пространство европейской культурной памяти и раскрывающий его модернистскую многослойность. Так, группа текстов Эдгара По и Гофмана служит одним из источников «криптотекстовых» отсылок: например, образ черного кота в кульминации романа параллелен готической символике По и одновременно Гофмана (чёрный кот в «Коте» или «Чёрном котелке» у Гофмана). Эти переклички с совпадающими мотивами двойственности личности, искажениями реальности подчёркивают парапсихологические подтексты маниакальности Передонова, высвечивая иррациональный, преследующий характер его безумия.

В случае диалога со «Смертью в Венеции» Томаса Манна и «Учителем Гнусом» Генриха Манна следует говорить о гомологии мотивов – обращение к претексту «Федра» Платона в случае с Томасом Манном и к «Человеку в футляре» А.П. Чехова в случае Генриха Манна. Два автора обращались к культурно значимому фрейму – влечения к юноше в случае «Смерти в Венеции» и учителя-тирана в случае «Учителя Гнуса». Интереснейший случай представляет собой живой диалог текстов, их непосредственное взаимодействие в процессе создания, взаимообогащение в области сквозных мотивов и художественного исследования важнейших паттернов культуры.

Итог главы состоит в том, что «Мелкий бес» прочитывается как текст-контрапункт, насыщенный явными и скрытыми сигналами, адресованными подготовленному читателю и работающими на создание сложной, многоцентровой модели художественного мира.

В целом в третьей главе диссертации установлено, что межтекстовый диалог в «Мелком бесе» выполняет по меньшей мере четыре ключевые функции: семантически уплотняет отдельные сцены и мотивы; структурирует аксиологическое пространство романа; программирует активную читательскую рецепцию, основанную на распознавании культурных кодов; формирует образ Передонова как узел литературных и культурных моделей — от учителя-тирана и «маленького человека» до героя маскарада, ревнивца, одержимого и носителя разрушительной власти. К числу основных научных результатов отнесены последовательное описание романа как единой системы межтекстового диалога, уточнение роли автоинтертекста, дифференциация типов межтекстовых связей, выявление функций русских и зарубежных претекстов, а также обоснование продуктивности сочетания классического филологического анализа с корпусной и цифровой верификацией.

В заключении подведены итоги работы. Проведенное исследование позволяет заключить, что поставленная цель достигнута, а заявленные задачи решены в той мере, в какой это допускают материал и избранная методологическая рамка. Роман Ф.К. Сологуба «Мелкий бес» предстает как целостная, многоуровневая система межтекстового диалога, в которой взаимодействуют автоинтертекст, отечественная классическая традиция, западноевропейские претексты, интермедиальные коды, символистская демонология и скрытые формы «чужого слова».

Это дает возможность перейти от описания отдельных заимствований к анализу самой поэтики смыслообразования, где межтекстовые связи выступают одним из основополагающих механизмов художественной организации произведения.

Исследование показало, что автоинтертекст в «Мелком бесе» выполняет не вспомогательную, а структурообразующую и герменевтическую функцию; что русские и зарубежные претексты работают как система смысловых фильтров, через которые моделируются мотивы безумия, демонизма, выгодной женитьбы, карточной игры, маскарада и распада личности; что скрытые формы отсылок обладают системной функцией и не могут быть интерпретированы как случайная эрудиция автора. Тем самым уточняется место романа в истории русского модернизма: «Мелкий бес» предстает не только как социально-психологический и сатирический роман, но и как один из ключевых символистских текстов, внутренним законом которого становится напряженное взаимодействие «своего» и «чужого» слова.

Принципиально важным результатом работы стало уточнение теоретического статуса межтекстового диалога применительно к прозе Серебряного века. В первой главе показано, что для понимания художественной логики «Мелкого беса» недостаточно ограничиться узким

пониманием интертекстуальности как совокупности цитат, реминисценций и аллюзий. Более продуктивным оказалось рассмотрение широкого спектра форм включения «чужого слова» — от подражания и стилизации до парафраза, реминисценции, аллюзии, криптотекста и мезотекста. Это позволило, с одной стороны, вписать роман Сологуба в широкий историко-литературный контекст, а с другой — выявить специфику символистской прозы, в которой точная бытовая деталь и многозначный символ существуют не раздельно, а в постоянном взаимодействии. Тем самым была подтверждена исходная гипотеза о том, что межтекстовый диалог в «Мелком бесе» реализуется как полисистемный художественный принцип.

Существенным итогом исследования стало и то, что роман был осмыслен в связи с поэтикой Серебряного века как эпохи интенсивного культурного самоосмысления. В диссертации показано, что символизм и акмеизм, несмотря на декларативную полемику, сходились в признании продуктивности творческого освоения мировой культуры, а сама литература рубежа веков вырабатывала особую установку на цитатность, полемичность, интермедиальность и множественность смысловых перспектив.

В этом контексте «Мелкий бес» предстает как один из наиболее показательных текстов эпохи: он соединяет скрупулезно точное изображение провинциального быта с постоянным раскрытием дополнительных смысловых горизонтов, возникающих благодаря работе с культурной памятью. Следовательно, роман должен быть прочитан не только как социально-психологическое или сатирическое произведение, но и как сложный символистский текст, интегрирующий обширное поле литературных отсылок.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих работах соискателя:

Перечень ВАК РФ:

1. Данилина О.В. Диалог текстов Ф. Сологуба и Т. Манна: к трансформации одного платоновского архетипа // Казанская наука. 2024. № 11. С. 288-290. (К-2).
2. Данилина О.В. Саша Пыльников и Передонов: феноменология зависти как исток «мелкобесия» в проекции на автоинтертекст Ф. Сологуба. // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5. С. 368-370. (К-2).
3. Кихней Л.Г., Данилина О.В. Эхо Н.В. Гоголя и А.П. Чехова в «Мелком бесе» Федора Сологуба // Филология: научные исследования. 2025, № 1, С. 36-45. (К-2).

Статьи, опубликованные в сборниках материалов международных

научных конференций (РИНЦ):

4. Данилина О.В. «Три ведьмы»: Гомология сцены предсказания в «Макбете» У. Шекспира и сцены сватовства в «Мелком бесе» Ф. Сологуба как инструмент межтекстового диалога // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере / Материалы XIX Международной научно-практической конференции (Москва, 28-29 апреля 2025 г.) / отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. М. – Пенза: ПензГТУ, 2025. С. 12-16.

5. Данилина О.В. Образ кота как интертекстуальный символ в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере / Материалы XX Международной научно-практической конференции (Москва, 17–18 ноября 2025 г.) / отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. – М. – Пенза: ПензГТУ, 2025. С. 28-33.

6. Данилина О.В. Женитьба Бальзаминова и женитьба Передонова: эхо комедий Островского в «Мелком бесе» Ф. Сологуба // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере / Материалы XXI Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 17–18 апреля 2026 г.) / отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. – М. – Пенза: ПензГТУ, 2026. С. 57-64.